

наш. эф.

Работа над ошибками

Станько

для "Дел. мира"
нашиша 12.05.95

Е. Гайдар

+

С интересом прочитал опубликованную в Вашей газете 29 апреля 1995 года статью А. Белоусова, Е. Абрамова и А. Клепач "Шесть ошибок г-на Гайдара". Она вносит немало нового, в современную экономическую теорию. Квинтэссенция ее - нестандартный тезис, в соответствии с которым "В Польше, которая служит витриной успехов "шокотерапии", денежная политика была значительно мягче, чем в России. Отношение М2 к ВВП (в годовом исчислении) в Польше в период либерализации цен и финансовой стабилизации (конец 1989-го - начало 1992-го) снизилось с 33% до 27-29%. В России с конца 1991 г. до начала 1994 г. (период, включающий два этапа "жесткой политики") этот показатель упал с 58% до 12%".*

Именно это открытие служит методологической основой дальнейших рассуждений авторов об отсутствии жесткой связи ^{между} динамики денежной массы и роста цен. Прочитав процитированный выше пассаж, сначала отнес его на счет газетной неточности. Однако, посмотрев свежую публикацию одного из авторов заметки в сугубо профессиональном журнале "Вопросы экономики" ** убедился что это не описка. Авторы действительно убеждены, что падение доли денег в валовом внутреннем продукте является свидетельством жесткости денежной политики, а ее рост - признаком финансовой мягкости.

* А. Белоусов, Е. Абрамов, А. Клепач "Шесть ошибок г-на Гайдара".
Деловой Мир, 29 апреля

** Вопросы экономики, №3, 1995г. Москва. стр. 62

Посмотрим как этот критерий накладывается на опыт других стран, в том же 1993 году. Выясняется, что вопреки расхожему мнению, денежная политика на Украине была более жесткой, чем в России. Здесь доля М2 в валовом внутреннем продукте составила лишь 6,5%*

Видимо монетаристы крепко окопались в Киеве. Но уже в югославском социалистическом правительстве в 1993 году монетаристы видимо возобладали полностью. К декабрю, в разгар гиперинфляции доля денежной массы в валовом внутреннем продукте составляла здесь менее 1%.** Зато по этому критерию мягкой, податливой оказывается финансовая политика, проводившаяся в Чешской республике, явно незаслуженно получившим репутацию жесткого монетариста чешским премьером Вацлавом Клаусом. Здесь доля М2 ВВП в 1993 году составляла целых 66% ***

Ну а как же отреагировала сама инфляция на столь разную финансовую политику? И здесь неожиданности. Там, где денежная политика, по определению уважаемых авторов, была самой жесткой - полный развал денежного обращения. Скажем, в Югославии только в декабре 1993 года цены выросли на 283833%, а в январе 1994г. еще на 310 млн.%. На Украине, балансирувавший на грани гиперинфляции, потребительские цены увеличились на 10155%. В России, где, напомним, по определению авторов, денежная политика была более мягкой, чем на Украине, ^{Чешская Республика} всего на 841%. В Польше инфляция составила 34%. И, наконец, в Чехии рост потребительских цен не превысил 20%.

* Ukrainian Economic Trends, European Centre for Macroeconomic Analysis of Ukraine, 6. Money and Credit. p.38

** Гиперинфляция и стабилизация в Югославии в 1992-1994гг. Я. Ростовски. N 32 1995, стр. 4-5

*** Poland the Path to a Market Economy. p.29. International Monetary Fund. Washington DC, October 1994

Вот так новость! Оказывается найден простейший способ борьбы с инфляцией: проводи как можно более мягкую денежную политику, вволю финансируй дефицит бюджета, и инфляция стремительно пойдет вниз. Тут в пору не статьи в газету писать, а скорее оформлять документы для представления к Нобелевской премии по экономике.

И все же не советовал бы уважаемым авторам слишком торопиться с заявкой. Иногда полезно посмотреть, а что по вопросу, о котором судишь, сказали до тебя? В данном случае я не буду отсылать авторов к классической работе П. Кейгена по динамике спроса на деньги в условиях высокой инфляции* или знаменитой (к) работе А. Юровского, посвященной анализу сходных проблем на отечественном материале.**

Это излишне. Недоразумение, к сожалению, носит не научный, а учебный характер. Поэтому для того, чтобы разобраться в его истоках, вполне достаточно познакомиться со стандартным учебником экономики.

Авторы явно смешали два [↑]сходных, но существенно различных параметра - динамику номинальной и реальной денежной массы. Как известно, реальная денежная масса - это отношение номинальной денежной массы к уровню цен. В рыночной экономике Правительство, Центральный Банк не имеют возможности прямо и непосредственно определять объем реальной денежной массы. Она всегда есть результат реакции хозяйственных субъектов на проводимую денежную политику. Именно поэтому жесткость проводимой политики бессмысленно мерить динамикой реальной денежной массы или долей денег в валовом внутреннем продукте.

* Cagan, P., 1956, "The Monetary Dynamics of Hyperinflation", in Studies in the Quantity of Money, ed M. Fridman, Chicago: Chicago University Press.

** Л. Юровский "Денежная политика Советской власти", 1917-1927, М., 1928

Центральные банки, правительства, предоставляя и принимая эмиссионные кредиты, создавая дополнительные денежные активы, могут прямо и непосредственно определять темпы изменения номинальных денежных параметров. Если мы посмотрим на них, то выяснится, что все парадоксы, приведенные выше, ^{иллюзия} кажутся ^{кажущиеся}.

Темпы роста ^{денежной} денежной массы в 1993 году были самыми высокими в гиперинфляционной Югославии, а самыми низкими - в стабильной Чехии. На Украине они были выше чем в России, а в России выше, чем в Польше. Именно эту последовательность отражала динамика потребительских цен. Так что Вацлаву Клаусу явно не светит звание борца за инфляционную поддержку производства, а югославскому правительству образца 1993 года - регалии жестких монетаристов.

Что же на деле характеризует тот параметр, который стал предметом столь неудачных построений уважаемых авторов - ^{доля} денег в валовом внутреннем продукте? А это и есть реальный спрос на деньги, который, как известно хорошо учащимся студентам, фигурирует в основном уравнении экономической теории инфляции и является величиной, обратной скорости денежного обращения:

$$\text{"Уровень цен"} = \frac{\text{номинальная денежная масса}}{\text{реальный спрос на деньги}}$$

По вопросу об устойчивости этого параметра, факторов, которые на него влияют в последние четыре десятилетия, написано множество работ толстых и тонких, высокопрофессиональных и тривиальных. Пожалуй, нет другого экономического явления, ставшего предметом столь интенсивного изучения и серьезной дискуссии.

Но при всех разногласиях к настоящему времени, многие закономерности здесь надежно выявлены, вошли в учебный материал.

В частности это относится и к тому факту, что скорость обращения денег, как правило, высока в странах с высокой инфляцией и низка в странах с низкой инфляцией.

Корни этой закономерности понятны. Инфляция порождает специфический налог - потери, которые несут владельцы денег, обесценивающихся с ростом уровня цен. Отсюда при высокой инфляции начинается бегство от денег, стремление минимизировать денежные активы, защитить их от обесценивания. Именно поэтому доля денег в валовом внутреннем продукте экстремально мала в период гиперинфляции (в 1990-1993 годах реальная стоимость денежной массы в СФРЮ сократилась с 4 миллиардов до 40 миллионов долларов) и растет в условиях финансовой стабилизации.

Так что ничего удивительного во вскрытых авторами различиях в скорости обращения денег нет. Она потому и была в 1993 году в России выше, чем в Польше, что в нашей стране денежная масса за этот год выросла в 5,2 раза, а в Польше - лишь на 31,8 процента.* Напротив, было бы странно, если бы высокие темпы роста номинальной денежной массы в российской экономике не снижали ^{бы} спрос на деньги.

При экстремально высокой инфляции правительство нередко попадает в опасную ловушку. Оно видит, как на глазах снижается реальная денежная масса, и пытается подстегнуть спрос новыми денежными вливаниями. * В результате ^{только} лишь усиливает бегство от национальных денег, стимулирует рост цен, еще больше сжимает долю денег в валовом внутреннем продукте.

* International Financial Statistics, March 1995. International Monetary Fund, p., 64

При нашей встрече Председатель Центрального Банка Югославии г-н Аврамович - архитектор югославской стабилизационной программы, остановившей в 1994 году гиперинфляцию, рассказывал мне, как лишь на фоне безумной гонки ^{цели} декабря 1993 года удалось убедить в губительности такой практики югославское руководство.

Гораздо безопаснее для страны, когда о подобных закономерностях политические лидеры и их советники узнают из учебника, а не постигают их ценой финансовой разрухи, паралича денежного обращения и глубокого общеэкономического кризиса.

Именно поэтому советовал бы уважаемым авторам, прежде чем дальше развивать собственные оригинальные денежные теории, внимательно почитывать главу 34 учебника С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи и решить содержащиеся в ней на странице 652 задачи*.

Надеюсь, что это предохранит ^{их} от столь детских ошибок. После этого можно будет продолжать профессиональный разговор.

С уважением

Е. Гайдар

* Экономика. С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи, стр., 652